

БОМБА ДЛЯ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТЕРРОР И ЧИНОВНИКИ МВД БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ В 1905–1907 ГОДАХ

Александр КИСЕЛЕВ,
кандидат исторических
наук, доцент

В настоящее время утверждения о том, что терроризм является одной из основных угроз для национальной и международной безопасности, приобрели характер аксиомы. Однако применение террора в политической борьбе имеет длительную историю, в том числе и на территории белорусских губерний. В частности, в период польского восстания 1863–1864 годов повстанцами были созданы специальные группы жандармов-кинжалщиков для осуществления терактов по приговорам руководителей польского восстания. Общеизвестно, что последнее покушение на жизнь императора Александра II осуществил боевик «Народной воли» уроженец Минской губернии И. Гриневицкий. Однако выдвигание политического террора на первый план и превращение его в повседневное оружие борьбы против государственной власти в Российской империи приходится на начало XX века, причем в белорусских губерниях основной удар террористов приняли на себя чиновники Министерства внутренних дел.

В годы первой русской революции 1905–1907 годов полицейские чиновники белорусских губерний систематически подвергались терактам со стороны боевиков левых политических партий. Нападения на них являлись целенаправленными акциями по деморализации корпуса государственных служащих МВД. В частности, в воспоминаниях Б. Шушкевича, члена боевой группы Польской социалистической партии (ППС) в Гродно, указывалось, что строго законспирированная боевая организация специально создавалась для проведения покушений на должностных лиц и экспроприаций на нужды партии [2, с. 47]. Террористические акты против сотрудников МВД получали идеологическое обоснование в программных документах и агитационных материалах социалистических партий. В частности, руководители РСДРП трактовали такой террор в качестве необходимого элемента «партизанской войны» (термин В.И. Ленина) революционных партий против правительства. Так, В.И. Ленин в одной из своих статей (октябрь 1905 года) писал: «Убийство шпионов, полицейских, жандармов, взрывы полицейских участков, освобождение арестованных, отнятие правительственных денежных средств для

обращения их на нужды восстания – такие операции уже ведутся везде, где разгорается восстание, и в Польше, и на Кавказе, и каждый отряд революционной армии должен быть немедленно готов к таким операциям. Каждый отряд должен помнить, что, упуская сегодня же представившийся удобный случай для такой операции, он, этот отряд, оказывается виновным в непростительной бездеятельности, в пассивности, а такая вина есть величайшее преступление революционера в эпоху восстания, величайший позор для всякого, кто стремится к свободе не на словах, а на деле» [14, с. 342]. Террор против чиновников как средство политической борьбы одобрялся не только крупными, но и незначительными социалистическими партиями и группами. Так, в листовке Белорусской социалистической громады (БСГ) (март 1905 года) политическая «программа» в отношении полиции формулировалась следующим образом: «Не чкайце! Ганице проч стражнику сельских, ураднику, прыставоу, земских!!! Проч царскую палицию! а як з добрай воли не покинуць службы – забивайце их на смерць!!!» [27, с. 224]. Террор даже прославлялся в агитационных стихотворениях. Например, А. Пашкевич (партийный псевдоним Тетка)

в рифмованных строках восторженно описывает террористическую деятельность ППС в Северо-Западном крае:

*Кладуць сеткі, каскі, бляхі,
Найбольш страшаць – гэта ляхі:
Ціха колюць, цэльна стрэлюць,
Так, як жыта, чарцей мелюць.
Народ чуе голас з неба
Што свабоды яму трэба [22, с. 84].*

Политические убийства полицейских чиновников подавались как акты возмездия за разгоны незаконных демонстраций, проведение обысков, аресты, а также как месть за применение силы к революционерам во время задержания или в период тюремного заключения, то есть основным мотивом для покушения в большинстве случаев являлась профессиональная деятельность служащих МВД. Например, в отчете минского губернатора от 19 декабря 1905 года указывалось, «что раздраженные неудачами, постигшими их в гор. Минске, как в смысле устройства забастовок, так и в организации беспорядков, революционные партии и главным образом «Бунд» приступят к целому ряду убийств должностных лиц из-за угла» [6, л. 329].

Имеющиеся в нашем распоряжении сведения о количестве пострадавших чиновников МВД в белорусско-литовских губерниях Северо-Западного края в период революционных беспорядков 1905–1907 годов позволяют, к сожалению, лишь приблизительно оценить масштаб террористической деятельности боевиков левацких и националистических партий. Так, в Витебской губернии в период с 1 февраля 1905 по 17 ноября 1906 года в результате террористических актов были убиты 7 чиновников полиции и жандармерии, в том числе вахмистр Витебского ГЖУ и пристав 2-й части двинской городской полиции [21, л. 6, 8]. В результате нападений получили ранения 15 сотрудников городских и уездных полицейских управлений [21, л. 7]. В Виленской губернии с 16 октября 1905 года по 23 августа 1907 года было убито 4 и ранено 16 служащих полицейских учреждений. В Ковенской губернии с 8 января 1906 года по 12 февраля 1907 года от рук террористов погибло 5 и

получили ранения 16 человек, служивших по ведомству МВД. В это число не отнесен убитый 30 сентября 1906 года в Ковно В.П. Агеев, ошибочно принятый террористами за сотрудника охранного отделения. С 12 марта 1906 года по 6 августа 1907 года в Гродненской губернии было убито 10 и ранено 13 чинов МВД [16; 17]. Показательно, что положение об усиленной охране в Гродно в апреле 1905 года было объявлено вследствие «принимающих массовый характер покушений на должностных лиц, при содействии уличной толпы» [10, л. 117]. Приведенные данные по Виленской, Гродненской и Ковенской губерниям не являются окончательными и, кроме того, не включают в себя многочисленных случаев, которые в силу случайности не привели к смерти чиновника или нанесению ему телесных повреждений.

В Могилевской и Минской губерниях покушения на жизнь чинов полиции и жандармерии происходили с такой же интенсивностью. В частности, в секретном донесении начальнику Могилевского Губернского жандармского управления от 30 сентября 1905 года перечисляются 4 теракта, проведенных против чинов гомельской полиции: «18 июля сего года был брошен разрывной снаряд в ротмистра Шебеко; 21 и 22 того же месяца в гомельского полицеймейстера были брошены две бомбы; 9 июля убит исполняющий должность пристава Гомеля» [3, с. 196]. Примечательно, что в отчете бегло упоминается о «ряде менее крупных актов террористического характера на должностных лиц». В них просто «стреляли, поджигали, разбивали окна, били на улице и проч.» [3, с. 196]. При характеристике деятельности гомельской организации партии социалстореволюционеров жандармский офицер констатировал, что в местечке Ветке «нижние чины полиции и жандармские унтер-офицеры, если в ночное время или вечером встречаются на улице, неоднократно подвергались нападению и тяжким побоям» [11, л. 285]. В отчете помощника начальника Могилевского ГЖУ о положении дел в Гомельском, Рогачевском и Быховском уездах за период 1 октября

КИСЕЛЕВ Александр Александрович.
Родился в 1976 году.
Выпускник исторического факультета БГУ. Доцент кафедры социальных наук Военной академии Республики Беларусь.
Областью научных интересов является история государственного аппарата в белорусских губерниях в конце XVIII – первой половине XIX веков, внутренняя политика российских властей, история белорусской политической мысли.
Автор около 30 научных публикаций.

1905 по 1 апреля 1906 года упоминается о 6 террористических актах против сотрудников МВД, из которых 4 закончились гибелью должностных лиц [7, л. 46–47]. В донесении минского губернатора Курлова от 24 августа 1905 года при обзоре политических событий за период февраль – июль 1905 года упоминается об одном убитом и 3 раненых полицейских чинах [6, л. 228–232]. В донесении минского губернатора от 19 января 1906 года сообщается о 4 покушениях на жизнь служащих по ведомству МВД с 17 декабря 1905 года, причем два нападения привели к смерти чиновников [23].

Жертвами террористов являлись все категории служащих: от губернатора до городского.

В частности, 18 августа 1905 года была брошена бомба под экипаж могилевского губернатора Н.М. Клингенберга, однако заряд не взорвался. Это было не последним покушением на жизнь могилевского губернатора: 29 октября 1905 года «двумя выстрелами в живот и в руку» он был тяжело «ранен в своей приемной» [19]. Террористка партии социалистов-революционеров применила стандартную схему покушения: под вымышленным именем баронессы Мейендорф она записалась на прием к губернатору и во время встречи выстрелила в упор. В минского губернатора П.Г. Курлова террорист бросил бомбу, которая не разорвалась [13, с. 59]. В виленского губернатора графа К.И. Палена во время манифестации после обнародования манифеста 17 октября 1905 года стреляла из револьвера «молодая еврейка», однако «калибр был маленьким, и пуля пробила только зимнее пальто» [1, с. 18]. Любопытно, что губернатор в момент покушения ехал вместе с делегатами от митинга на встречу к генерал-губернатору для обсуждения возможности выполнения требований митингующих [12, л. 214]. Следует отметить, что в результате терактов погибали в большинстве случаев уроженцы белорусских губерний. Об этом свидетельствуют данные о личном

составе городских и уездных полицейских управлений МВД Минской губернии за 1898 год [25, л. 3–632]. В частности, из 25 полицейских офицеров трех городских полицейских управлений (полицеймейстер, помощник полицеймейстера, частный пристав, помощник пристава) Минской губернии лишь 4 (16%) (полицеймейстер, пристав и два помощника пристава) были переведены из внутренних губерний Российской империи. Среди 35 станковых приставов 27 человек (77%) оказались уроженцами западных, в основном белорусских, губерний. Таким образом, полиция в значительной степени комплектовалась выходцами из белорусских губерний, причем Минская губерния не была каким-то исключением. В частности, в 1900 году в составе виленского Городского полицейского управления – самое крупное по штату городское управление Северо-Западного края – служило 36 полицейских офицеров (полицеймейстер, помощник полицеймейстера, частный пристав, помощник пристава и околоточный надзиратель), из которых 28 человек (78%) были уроженцами западных, в основном белорусских, губерний [24, л. 2–109].

Отчеты о нападениях позволяют составить определенное представление о тактике действий при осуществлении терактов. Партийные боевики проводили нападения внезапно, стреляли в спину или, при возможности, в упор, не оставляя шансов на сопротивление; стремились сделать несколько выстрелов подряд или, в случае нападения нескольких террористов, стреляли залпом. Теракты тщательно готовились, поскольку партийные боевики осуществляли наблюдение за чиновниками, устанавливали маршрут их передвижений. В воспоминаниях члена партии эсеров А. Измайлович упоминается о том, что, готовя теракт против минского губернатора П.Г. Курлова, террористы организовали наблюдательный пункт прямо напротив резиденции губернатора. Для наблюдения использовали «конспиративную квартиру против дома Курлова, откуда мы следили за ним. Оригинальная квартира: чердак был не над ней, а на одном уровне с ней, примыкал с трех сторон, и одно из слуховых окон

чердака выходило как раз визави подъезда губернаторского дома. Холод там был невероятный, мы не согревались ни днем, ни ночью. Снимали квартиру по фальшивкам – муж и жена – товарищ «Николай»... и я, его жена по паспорту» [9]. При подготовке покушения на гродненского полицеймейстера Генисаретского боевики ППС путем слежки установили, что он, как правило, возвращается домой одним маршрутом по улицам Александровская и Полицейская, и устроили засаду. В большинстве случаев нападающие рассчитывали легко скрыться с места преступления, то есть речь идет о сознательно спланированных убийствах служащих ведомства МВД. В отдельных случаях террористы были неразборчивы в средствах, пренебрегали моральными запретами. Так, в Ковно убийство В.П. Агеева совершил «какой-то еврейский мальчик, который произвел в него два выстрела из револьвера» [17, д. 27, л. 47]. Покушение на жизнь губернатора П.Г. Курлова было совершено во время похорон начальника бригады сразу после того, как из кафедрального собора вынесли гроб. Похоже, что революционеров абсолютно не смущал факт самих похорон и то, что в результате взрыва среди пострадавших оказался бы не только губернатор, но и армейские офицеры, православное духовенство и просто случайные прохожие. 29 января 1905 года в вечернее время террористы стреляли в могилевского полицеймейстера Родионова, который ехал в санях вместе с дочерью [20]. Впрочем, то, что при совершении терактов часто в число жертв попадали мирные горожане, боевиков ППС, РСДРП, С.-Р. или БУНД не останавливало. В частности, при покушении на жизнь начальника Ковенской тюрьмы 6 июня 1906 года в результате взрыва бомбы получили ранения хозяин магазина и гимназист [17, д. 27, л. 37].

Положение полицейских чинов осложнялось тем, что их жизни угрожали не только специально спланированные акции боевиков, но и спонтанный самосуд революционизированной толпы. В воспоминаниях Г. Цейтлина рассказывается об убийстве манифестантами в Гомеле частного приста-

ва. Революционно настроенная толпа, состоявшая в основном из евреев, отказалась подчиниться законному приказанию пристава прекратить манифестацию. В ответ на требование разойтись какая-то девица крикнула чиновнику: «Катись, крючок, откуда приехал!» [26, с. 110]. Пристав «ударил ее плашмя шашкой по голове» и тут же «был застрелен одним из дружинников из револьвера» [26, с. 110]. Возможно, такая попытка пристава защитить честь мундира от оскорблений была не лучшей, однако убийство чиновника являлось несравненно более тяжким деянием как с юридической, так и с нравственной точек зрения. В местечке Холмеч Речицкого уезда Минской губернии полицейский урядник А. Черняк, приказавший толпе разойтись, был сначала обвинен в том, что проводил обыск в доме одного из политических активистов, а потом в него выстрелили. Раненый полицейский скрылся в доме акцизного чиновника, но вскоре вооруженная толпа в 60 человек ворвалась в этот дом и в саду расстреляла урядника из ружей. После этого нападавшие разгромили квартиру А. Черняка и украли все найденные деньги [8].

Частые террористические нападения вызвали изменения в поведении отдельных чиновников. В ответ на попытку покушения они стали прибегать к активным наступательным действиям, пытаясь уничтожить террористов даже тогда, когда их жизни уже не угрожала опасность.

Так, 26 августа 1907 года в Ковно в «старшего городского Мацулевича неизвестным молодым евреем был произведен выстрел из револьвера, не причинивший никакого вреда. Мацулевич, подбежав к стрелявшему, задержал его и вырванным у него из рук револьвером выстрелил в злоумышленника, но револьвер дал осечку» [17, д. 16, л. 18–18 об.]. Позицию таких полицейских во время судебного процесса по делу террористки А. Измайлович выразил чиновник особых поручений при минском губернаторе. В ответ на замечание адвоката о том, что при задержании в террористку стреляли уже после того, как ее

обезоружили, он воскликнул: «То есть как это зачем?! Они в нас стреляют, а мы будем молчать?» [9].

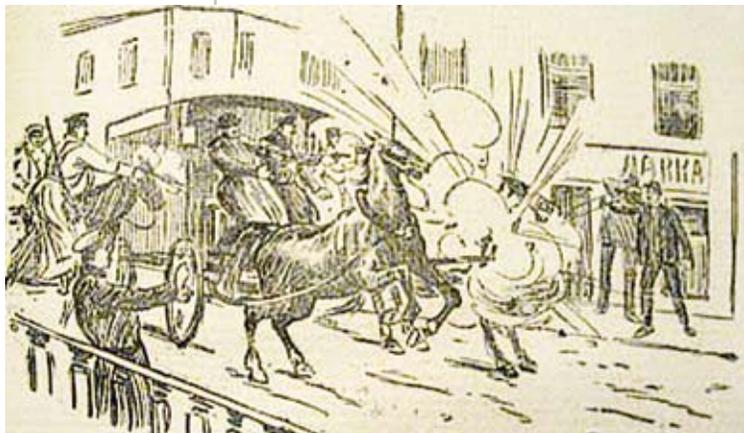
При совершении терактов против чинов МВД в основном использовалось огнестрельное оружие (пистолеты) или взрывные устройства, причем захват табельного оружия являлся дополнительным мотивом для нападения на полицейского чиновника. По словам Е. Беленького, минские боевики РСДРП(б) занимались «самовооружением, производя нападения на городских и полицейские патрули с целью овладеть их револьверами» [4, л. 13]. В одном из донесений на имя виленского губернатора описывается подобное нападение: поздно вечером 23 января 1906 года к городскому виленской полиции Глебову «подошли пять неизвестных лиц и спросили, как пройти на Старую улицу. Когда Глебов стал указывать дорогу, неизвестные схватили его за руки, за горло, вынули из своих карманов револьверы и один из них, вставив дуло револьвера в рот городскому, приказал молчать; остальные обыскали его и отняли револьвер, а шашку согнули» [17, д. 26, л. 2]. Впрочем, разоружение полицейских не являлось главным источником снабжения революционеров оружием. В воспоминаниях Б. Шушкевича сообщается, что боевая группа ППС была обеспечена огнестрельным оружием разных модификаций, причем оружие было переправлено контрабандой с территории Германской империи. Отнюдь не случайно в циркуляре от 26 января 1906 года министр внутренних дел П. Дурново констатировал, что «революционеры зачастую

снабжены оружием значительно лучших образцов, чем чины городских полиций» [5, л. 450]. Вооружение полицейских чинов порой оставляло желать лучшего. Например, в донесении начальника Слуцкого уездного полицейского управления о результатах осмотра вооружения личного состава от 3 января 1906 года сообщается, что «револьверов в команде лишь 12 штук на 20 городских; 4 совершенно испорчены и даже не могут быть починены, 4 также испорчены и, как оказалось при опытной стрельбе, не дают проверочных выстрелов; остальные 4 годны еще к употреблению, но требуют частых починок и, как старосистемные, долго бывшие в употреблении и часто чинившиеся, не могут быть признаны боевым оружием» [5, л. 126].

При осуществлении терактов против сотрудников полиции революционеры использовали и самодельные взрывные устройства, изготавливаемые в подпольных мастерских. В частности, 23 февраля 1906 года в г. Бельске Гродненской губернии полицейским надзирателем случайно была обнаружена такая лаборатория. В результате обыска были найдены и изъяты 3 готовых взрывных устройства, запалы и детонаторы, химические препараты и реактивы для изготовления взрывчатки, бикфордов шнур и запасы гвоздей и гаек для усиления поражающего эффекта [17, д. 28, л. 1–2]. Однако «адские машины» отличались малой надежностью, и зачастую взрыва не происходило из-за конструктивных недоработок. Так, первая попытка покушения на минского полицеймейстера провалилась, поскольку брошенная под его экипаж бомба «к счастью, не разорвалась» [13, с. 58]. 14 января 1906 года в окно I полицейской части Вильно была брошена самодельная бомба весом в 4 фунта, но заряд не взорвался [17, д. 26, л. 1]. Однако взрыв устройства, брошенного 27 октября 1905 года в полицейских чиновников у дома виленского губернатора, привел к гибели помощника ошмянского исправника и причинил ранения разной степени тяжести еще 4 чиновникам, в том числе виленскому полицеймейстеру [16, л. 5–7].

Применение оружия революционерами против полиции воспринималось как нор-

Нападение
террористов
на карету.
Рисунок из газеты
«Петербургский
листок». Октябрь
1906 года

ма их деятельности. Вот как описывает бундовская пресса действия манифестантов во время массовых еврейских демонстраций, проходивших в Гомеле в январе 1905 года: полицейские «с полицеймейстером во главе пытались разогнать толпу рабочих, которые на эти непрерывные нападения часто отвечали выстрелами» [3, с. 160]. При попытке ареста партийные боевики, как правило, оказывали вооруженное сопротивление чинам полиции и жандармерии. Так, во время задержания боевой группы анархистов в Минске в начале 1906 года полицейские чиновники подверглись нападению, «жертвами которого сделались городской Миладовский (умер), околоточный надзиратель Пупов (ранен) и агент сыскной полиции (ранен легко)» [18, с. 239]. Необходимость оружия для социалистической партии воспринималась как неотъемлемая часть политической деятельности. Даже такая малочисленная и слабая партия, как БСГ, стремилась вооружиться. Братья И. и А. Луцкевичи стали нелегально покупать оружие и взрывчатку, вербовать боевиков. Как отмечает в своих воспоминаниях А. Луцкевич, они предоставили свою квартиру для подготовки теракта против минского губернатора [15, с. 27]. Таким образом, даже фрагментарные сведения по Витебской, Гродненской, Виленской, Ковенской, Минской и Могилевской губерниям показывают, что число убитых полицейских и жандармских офицеров и нижних чинов в Северо-Западном крае в период 1905–1907 годов исчисляется десятками. Жертвами терактов зачастую являлись служащие из числа уроженцев белорусских губерний. Политический террор представлял собой целенаправленное уничтожение чинов МВД боевиками социалистических партий и рассматривался как эффективное средство политической борьбы. Примечательно, что террористическую практику приветствовала и БСГ. Тактические приемы и вооружение нападающих давали им преимущество перед полицейскими чиновниками, которые зачастую не имели возможности защитить свою жизнь от покушений и были плохо вооружены. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Mineyko, Józef Wspomnienia z lat dawnych / Józef Mineyko. – Warszawa: PAN, 1997. – 307 s.
2. Szuszkiewicz, B. Organizacja grodzieńska P.P.S. w latach 1898–1910. / B. Szuszkiewicz – Warszawa: Drukarnia Piotr Pys i S-ka, 1937. – 57 s.
3. Бунд в Беларуси. 1897–1921: Документы и материалы. – Мн.: БелНИИДАД, 1997. – 608 с.
4. Воспоминания Еф. Беленького «1905 году. Подготовка к вооруженному восстанию» // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1440. – Оп. 3. – Д. 45.
5. Дело об увеличении состава городских городских полицейских команд, обеспечения их оружием и повышения им жалования // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 299. – Оп. 2. – Д. 13335 а.
6. Документы и материалы из ЦИА г. Москвы по теме «Большевики Белоруссии в период революции 1905–1907 гг.» // НАРБ. – Ф. 1440. – Оп. 3. – Д. 16.
7. Документы и материалы из ЦИА г. Москвы по теме «Большевики Белоруссии в период революции 1905–1907 гг.» // НАРБ. – Ф. 1440. – Оп. 3. – Д. 17.
8. Донесение помощника начальника Минского Жандармского губернского управления в Департамент Полиции об убийстве урядника А. Черняка от 16 января 1906 г. // Политическая полиция и политический терроризм в России (вт. пол. XIX – нач. XX в.). Сборник документов и материалов. – М., 2000. – Режим доступа: <http://www.auditorium.ru>. – Дата доступа: 12.12.2006.
9. Измайлович, А. Из прошлого. – Режим доступа: <http://www.memo.ru>. – Дата доступа: 09.10.2006.
10. Копии архивных документов по теме «Большевики Белоруссии в период 1861–1917 гг., взятые в ЦГА ЛССР» // НАРБ. – Ф. 1440. – Оп. 3. – Д. 19.
11. Копии архивных документов, взятых из Партархива ЦК КПБ по теме «Большевики Белоруссии в период 1890–1907 гг.» // НАРБ. – Ф. 1440. – Оп. 3. – Д. 4.
12. Копии документов, сделанных в Виленском архиве по теме «Большевики Белоруссии в 1900–1907 гг.» // НАРБ. – Ф. 1440. – Оп. 3. – Д. 18.
13. Курлов, П.Г. Гибель Императорской России / П.Г. Курлов – М.: Современник, 1992. – 252 с.
14. Ленин, В.И. Задачи отрядов революционной армии / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 11. – С. 339–343.
15. Луцкевич, А. За двадцать пять лет (1903–1928): Воспоминания о работе первых белорусских политических организаций: Белорусская революционная громада, Белорусская социалистическая / А. Луцкевич – Мн.: БСЭ, 1991. – 62 с.
16. О пострадавших чиновниках Виленской губернии // Литовский Государственный исторический архив (ЛГИА). – Ф. 378. – 1905. – Д. 55. – Л. 4–7.
17. О посягательстве злоумышленников на жизнь должностных лиц по Виленской, Ковенской, Гродненской губернии // Литовский Государственный исторический архив. – Ф. 378. – 1906. – Д. 26. – Л. 1–15; Д. 27. – Л. 1–51; Д. 28. – Л. 1–35; Ф. 378. – 1907. – Д. 16. – Л. 6–19; Д. 17. – Л. 1–18; Д. 25. – Л. 1–3; Д. 28. – Л. 4.
18. Р-ский, М. Минск / М. Р-ский // Краины России. – 1906. – № 15. – С. 239–240.
19. Русское слово от 12 ноября (30 октября) 1905 г. – Режим доступа: <http://www.starosti.ru>. – Дата доступа: 12.12.2006.
20. Русское слово от 12 февраля (30 января) 1905 г. – Режим доступа: <http://www.starosti.ru>. – Дата доступа: 12.12.2006.
21. Списки раненых и убитых жандармских чинов, полицейских агентов, городских, стражников и других с 1 февраля 1905 г. по 1 мая 1906 г. // НИАБ. – Ф. 1416. – Оп. 2. – Д. 794.
22. Турук, Ф. Белорусское движение / Ф. Турук – М.: Госиздат, 1921. – 143 с.
23. Уведомление минского губернатора П.Г. Курлова в Департамент Полиции о передаче ряда дел, связанных с террором, военному суду от 16 января 1906 г. // Политическая полиция и политический терроризм в России (вт. пол. XIX – нач. XX в.). Сборник документов и материалов. – М., 2000. – Режим доступа: <http://www.auditorium.ru>. – Дата доступа: 12.12.2006.
24. Формулярные списки чиновников Виленского городского полицейского управления // ЛГИА. – Ф. 420. – Оп. 2. – Д. 231.
25. Формулярные списки чиновников Минской губернии // НИАБ. – Ф. 299. – Оп. 7. – Д. 403.
26. Цейтлин, Г.И. Гомельский погром / Г.И. Цейтлин // Родина. – 2002. – № 4–5. – С. 109–113.
27. Што такое Канстытуцыя // История Беларуси в документах и материалах / Авт.-сост. И.Н. Кузнецов, В.Г. Мазец. – Мн.: Амалфея, 2000. – С. 223–225.